

ЮРИЙ ПОЛЯНСКИЙ

Резонанс

ЛУННЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

Юрий Полянский

Резонанс. Лунные отражения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45549307

ISBN 9785005040138

Аннотация

Молодая журналистка Мия Блайкова съезжает от родителей. Казалось бы, самый обычный шаг взрослеющего человека. Девушка рассчитывала сбежать от проблем, но всё стало только хуже. Ведь теперь ей придётся выживать в доме, где каждый жилец обезумел. Но сама Мия пока ничего не знает и спокойно приглашает на новоселье подругу Олесю. К чему это привело, вы прочтёте в книге «Резонанс: лунные отражения». И напоследок... А вы знаете, кто ваши соседи?

Содержание

1. Родные. Стены	5
2. Честный лжец	19
3. С широко закрытыми глазами	33
4. Первое явление резонанса	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Резонанс

Лунные отражения

Юрий Полянский

© Юрий Полянский, 2019

ISBN 978-5-0050-4013-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Родные. Стены

Среда 22:13

Большие города никогда не засыпают по-настоящему. Они только притворяются: стоит подъехать поближе к центру, и можно увидеть множество групп молодых людей, гуляющих от одного сияющего клуба к другому и распеваящих попсовые песни, которые Мия не переносила. Спасением служил тщательно выверенный плей-лист в её телефоне, который то загорался, то вновь затухал, показывая несколько пропущенных вызовов от контакта «Мамулечка».

Мия задержалась в редакции. Снова. Но мама всегда звонила, чтобы узнать, когда она поедет домой, и просто убедиться, что все в порядке. Сегодня девушка не стала отвечать, чтобы её приход был менее заметным. К тому же она уже практически дома.

Несмотря на то, что Мия жила относительно близко к центру (особенно если учесть все эти новые перестройки и расширения), её район всегда был довольно тихим.

Окна, в которых ещё горел свет, были похожи на многочисленные глаза, наблюдающие за одиноким ночным путником. Но для девушки они были чем-то большим: именно по тому, в скольких комнатах на этаже горел свет, Мия сразу определяла, кто и чем занимался.

Подходя к дому, Мия удивилась, увидев свет лишь в комнате родителей: «Интересно, где ты пропадаешь, братишка».

Мие двадцать три (с братом разница в шесть лет). Несколько месяцев назад она закончила своё обучение на бакалавра на факультете журналистики. Так что теперь, пока старшая сестра с головой уходила в первую в её жизни оплачиваемую работу, Игнат всеми силами ещё только готовился к сдаче выпускного экзамена и поступлению в университет.

Мия подошла к тяжёлой металлической двери и рефлекторно ввела код, прижав ладонь к панели, чтобы хрустнуть пальцами. Любой прохожий мог подумать, что это – часть особого местного ритуала, без которого дверь не откроется.

Быстро поднявшись на третий этаж, Мия остановилась, вытащила наушники из ушей и сняла рюкзак, чтобы достать свою измятую шапку.

Из-за громкой музыки Мия сначала не заметила, что выше, на лестничной площадке, стоял молодой парень с сигаретой в одной руке и телефоном в другой. Из светло-белого стебля с оранжевым корнем распускался небольшой цветок дыма. По лишь слегка сгоревшему стеблю и недовольному лицу подъездного садовника девушка поняла, что прервала запись одного из сокровенных голосовых сообщений.

Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, Мия дёрнула плечами и улыбнулась. Ромео с недовольным, быдловатым выражением лица в ответ лишь театрально закатил глаза.

«А ведь я тебя вообще в первый раз вижу. Ясно теперь,

из-за кого вечно должна терпеть этот чёртов запах табака, когда возвращаюсь домой. Утром ещё какой-то мужик прошёл мимо и не поздоровался. Сейчас вот ты. В этом доме слишком много новых жильцов, о которых я вообще ничего не знаю», – нащупав, наконец, долгожданную ткань, Мия резко выдернула свой куш с самого дна, стараясь не задеть книгу в мягкой обложке о том, как не париться по мелочам и контролировать свой гнев. Затем она надела рюкзак на одну лямку, подёргав плечом, чтобы расправить складку своей ветровки, которая уже не раз спасала её от равнодушного дождя.

Парень неотрывно смотрел на неё всё это время, даже когда подносил сигарету ко рту, чтобы в очередной раз затянуться.

– Да ухожу я, ухожу. При мне слабо что ли говорить? – спросила не менее раздражённая после по-обычному тяжёлого рабочего дня журналистка и интенсивно потрясла связкой ключей, чтобы звон отразил всё её неудовольствие от этого вынужденного разговора.

А вот дверь Мия постаралась открыть как можно тише, чтобы не привлекать к себе внимание, по крайней мере, сразу. Но только она шагнула внутрь, как чуть не столкнулась с мамой, отчего нервозно дёрнулась и резко выдохнула носом поток воздуха.

– Ты почему это без шапки ходишь? – спросила мама без интонации нравственного обвинения в голосе, которым

страдают многие неопытные родители.

– А это что? – Мия быстро пришла в себя после испуга и демонстративно подняла руку в знак победы, показывая шапку словно гладиатор отрубленную голову.

– А это что? – мягко, но уверенно спросила мама, погладив покрасневшее от холода ухо, и нежно улыбнулась.

– Ладно, ладно, меня раскрыли. Всё, ребята, расходимся, нас засекли, – Мия помахала руками, разгоняя воображаемых соучастников дела с шапкой.

Мама развернулась вполоборота и аккуратно прошла в комнату, перешагнув дощечку, которая всегда скрипела: на диване дремал папа, якобы смотрящий боксерский поединок.

Мия, оценив обстановку, тихонько усмехнулась и мысленно добавила: «Приманку проглотили, а вот товар не накрыли».

Засунув шнурки в тёмно-синие полуботинки-полукроссовки, девушка поставила их в невысокий двухуровневый шкафчик для обуви и зашла в комнату, нащупав в темноте выключатель.

Энергосберегающие лампочки загорались не сразу, а одна из них вообще уже давно перегорела. Так что какое-то время Мия просто стояла посередине комнаты, борясь с желанием достать из кармана телефон и в очередной раз обновить новостную ленту. Подойдя к столу, она схватила с полки дезодорант и принялась брызгать им на рюкзак короткими оче-

редьями. Затем положила сумку подальше под стол и вернула дезодорант на место к остальным наполовину израсходованным и немного пыльным баллончикам.

Быстро помыв руки прямо на кухне в раковине, Мия сдёрнула полотенце со сковородки, стоявшей на плите, и удивлённо посмотрела на промасленное чугунное дно с несколькими кусочками жареного лука по краям: «Мам?» Девушка, конечно, помнила, что нужно быть тихой, но у неё уже не было сил, чтобы ради одного вопроса снова идти к маме.

– Да всё здесь уже, – раздался негромкий, но чёткий ответ из соседней комнаты: оказалось, что, пока дочь адаптировалась к домашнему климату, меняя джинсы на просторные шорты и рубашку на майку, которая была на размер больше нужного, мама уже успела принести ей целую тарелку вермишели и про кружку теплого чая с молоком не забыла. Именно тёплого, а не горячего, потому что знала, как Мия постоянно разбавляет чай холодной водой из графина.

Мия присела на край дивана, вопросительно посмотрела на маму и перевела взгляд на дремавшего отца.

– Всё в порядке, он просто отдыхает, только недавно уснул. Ешь спокойно, – сказала мама и погладила Мию по спине.

– А что Игнат есть будет? – спросила девушка, которая не могла приступить к еде, пока не выяснит всё до конца.

– Там в холодильнике ещё есть. Просто нужно будет погреть. Вообще, это странно, конечно: думала, что самой всё

разогреть придётся тебе. В итоге ты с работы пришла раньше, чем Игнат с подготовительных, – в голосе чувствовалось волнение или скорее даже сомнение.

– После расследования отношение ко мне немного изменилось. Так что дышать на рабочем месте стало как-то по-свободнее. Теперь уже не только из-за Олеси, но и благодаря редактору.

Мама понимающе покивала, признавая заслуги своей начинающей журналистки.

– Хотя материалов о том, кто кого ревнует и кто кому изменяет, всё равно ещё навалом... Но теперь это не так напряжно, в общем. А Игнат... Ну, может быть, попал в пробку, знаешь же, как это бывает?

Мия решила побыстрее закончить мысль, чтобы наброситься на вермишель: она не ела практически целый день.

– У меня есть старшая дочь, так что да, я-то знаю, как это бывает, – мама скептически наклонила голову набок и с доброй ухмылкой взглянула на Мию.

– Так, ну не начинай только, – возмущенно промычала старшая дочь, продолжая пережевывать уже немного остывшие вермишеленки.

– Ты, кстати, так много не брызгай дезодорантом, это не к чему, – сказала мама через несколько минут, уже повернувшись к телевизору.

– А, да это я просто проверяла, работает ли он, а то кнопка западала, – ответила Мия, которая на самом деле пыталась

перебить запах горячего бургера.

Мия жадно расправилась с ужином, ужасая всех диетологов, у которых есть часы, и собралась встать из-за стола. Но мама потянулась к пульту, чтобы переключить на «Вечернего Ивана», как вдруг папа пододвинул пульт к себе и негромко спросил сонным голосом: «Привет, посидишь с нами?» Мама только взяла пустую тарелку и пошла на кухню.

– Не, пап, мне нужно ещё кое-что по работе доделать, – ответила Мия и ушла.

«Что уже и десяти минут нет?» – подумал отец и, грустно вздохнув, снова закрыл глаза. Он уже начинал привыкать к новому порядку вещей и реагировал не так остро, как раньше: без обличительных нотаций и осуждающих взглядов по утрам, во время случайных столкновений в коридоре в предрабочей спешке.

У Мии действительно была незаконченная статья. Она могла дописать её и завтра. Могла, но не стала откладывать и плюхнулась в кресло, поудобнее расположив у себя на коленях ноутбук, который каждый раз предательски долго включался.

Пока Мия обводила взглядом стены и ждала, чтобы экран загорелся темно-синим светом, её внимание привлекли большие фотографии на стене в серых рамах. На одной

из них была ещё совсем маленькая, годика четыре не больше, в кепке с повёрнутым назад козырьком, улыбающаяся девочка: «М-да, тогда всё было совсем по-другому. Тогда и я была другой. Ещё не было ничего такого, о чём бы я могла жалеть. Всё так изменилось. Вся эта наивность куда-то вдруг... Исчезла. Дети счастливы своим неведением, поэтому они всегда так искренне радуются и улыбаются». Рядом с ней, в такой же серой раме, была фотография получше качеством с пухленьким мальчиком, который тоже улыбался беленькими зубками: это был её младший брат.

Ноутбук был не настолько уж старым, так что давно можно было приступить к работе. Мия чему-то усмехнулась и открыла вордовский документ, закрытый пару часов назад, когда она ещё сидела в издательстве за своим рабочим столом на не очень удобном стуле с колёсиками, у которого ещё и спинка шаталась: «Ладно, любовнички, продолжим».

Игнат вернулся только через примерно полчаса, что для Мии, конечно же, было вполне себе нормальным временем прихода домой, но вот для её брата считалось выходом за рамки родительского одобрения.

Девушка уже успела дописать всё, что хотела, точнее, всё, что было необходимо, ведь она сама-то вообще не была в восторге от таких статей, и теперь могла спокойно встретить братишку.

Мия встала, облокотившись на дверной косяк и скрестив руки на груди.

– Ну привет.

– Привет, – пухлые щёки Игната немного раздулись в довольной улыбке.

«Какой-то ты чрезмерно умильный сегодня», – решила Мия и слегка прищурилась, как бы дразня брата, который согнулся пополам, чтобы развязать шнурки.

– В пробку попал? – спросила вместо приветствия появившаяся в коридоре мама, что означало: «Ты почему так поздно пришёл домой и ничего не написал мне».

– Да просто сначала опоздал на автобус, он ушел... – Игнат перевел дыхание, так как всё ещё стоял в неудобном для разговора положении, – прямо у меня под носом. А следующий ехал долго. Да и медленно, кстати.

Игнат небрежно поставил свои ботинки на коричневый коврик.

Заметив, что брат, любящий порядок, только что чуть не испачкал её туфли, Мия поняла: он хочет поскорее уйти от расспросов.

Избегая столкновения взглядом с матерью, Игнат очень быстро снял куртку и прошёл в комнату. Мия только плавно отошла в сторону, уступая ему дорогу, и посмотрела на маму, которая по-доброму усмехнулась.

Мама пожелала дочери и сыну спокойной ночи и заперла дверь в родительской комнате. Мия же ушла на кухню, чтобы погреть еду для брата, пока тот переодевается.

Приятный аромат долгожданного ужина заставил юношу снова улыбнуться.

– Что у нас сегодня в меню? (Да и вообще он довольно часто улыбался вне зависимости от того, было ли ему весело или грустно.)

– У вас не знаю, себе я грею картошечку с мясом, – ответила Мия, не поворачиваясь к брату и продолжая помешивать деревянной лопаткой крупно нарезанный картофель.

– Спасибо, сестрёнка, – Игнат похлопал её по плечу и слегка присел на стол, выставив руки назад.

Несмотря на разницу в возрасте, младший брат уже практически перерос свою сестру.

– Ну и как зовут этот «Автобус»? – Мия накрыла сковородку прозрачной крышкой и стала смотреть, как капли масла разлетаются в разные стороны, стремясь вырваться за невидимый барьер.

– Рита.

Сестра даже немного удивилась тому, как легко было названо имя, потому что маме он бы вообще не признался, что с кем-то встречается. Таков уж был её брат: рассказывал родителям только тогда, когда всё уже было наверняка.

– Вроде бы она клёвая, – неуверенно продолжил Игнат.

– Так вроде бы или клёвая? – Мия уже перекладывала под-

жаристую картошку в тарелку, прикрываясь крышкой, как щитом.

– Мы полчаса стояли просто обнявшись. Я чувствовал, как бьется её сердце. Вокруг проходили люди и... Другие парочки начинали перешёптываться и умилённо смотреть на нас. Одинокие волки и волчицы недовольно скалились, как бы говоря: «Ну ничего, это ненадолго. Скоро вы разойдётесь и станете такими же одинокими, как я». А мы просто обнимаемся, словно время для нас идёт по-другому, словно трудности и беды вообще перестали существовать. И сразу ночь не такая мрачная, звёзды светят ярче, мерцают, как бы одобрительно подмигивая. И словно все в этом мире полно добра, словно всё остальное просто неважно... В этом что-то есть, – уже смелее ответил Игнат и задумчиво посмотрел на луну в окне.

– Вот только мир от этого не изменился, другим на самом деле нет до вас дела, а те, кто одинок, всё ещё расхаживают в эту, как ты говоришь, мрачную ночь по улицам, не зная, чем себя занять. Так что, да, всё меняется, но только для таких, как ты, – усмехнулась Мия, отведя взгляд, чтобы слова не прозвучали слишком уж пессимистично.

– Придурков?

– Романтиков! А вообще, порой это одно и то же, так что будь осторожнее. Я вот, к примеру, считаю, если тебя что-то напрягает, стоит сразу обращать на это внимание. «Любят вопреки» никто не отменял, но она курит? Или, может, лю-

бит кулинарные ток-шоу?..

– Ладно, ладно, я понял, буду иметь в виду. Ну а что насчёт тебя?

– А что я? Свобода навсегда, вольная волчица! Шучу, просто...

– Да я не про это. Зачем тебе переезжать?

– Ну... Понимаешь. Это сложно. Хотя нет, вообще-то всё довольно просто: я не хочу расстраивать родителей, понимаешь?

– И при чём же тут переезд? Вообще, как ты их расстраивать-то можешь?

– Да так: своими поздними приходами домой и постоянным запираанием в нашей комнате. Сейчас я должна работать, пойми, чтобы иметь деньги, да даже чтобы просто реализоваться. Иначе к чему были все те четыре года в университете?

– Но чем мы тебе мешаем?

– В том-то и дело, вы мне не мешаете, да и я вам. Но я же вижу, как папа реагирует, когда я снова уйду в другую комнату, чтобы дописать статью. И в итоге всем, получается, плохо. Я не могу целиком сосредоточиться на работе, думая о родителях, а они чувствуют себя брошенными.

– Ну а что изменит твой переезд?

– Наши отношения урегулируются и... Да, ладно. Не знаю, как тебе объяснить, но считаю, что поступаю правильно. И, вообще, я уже всё решила, так что не стану отсту-

пать. Года через три-четыре ты сам будешь в таком же положении... Еще и посоветоваться придёшь, а как же лучше разложить твои комиксы по коробкам, чтобы не помять их.

– Если не хочешь об этом говорить, так и скажи. Но я вот считаю, что никому ты легче не делаешь. Просто бросаешь всех, включая меня. И, по правде сказать, мне кажется, ты просто хочешь *себе* что-то доказать: что тебе не слабо жить одной, не слабо делать всё самой. Я никогда не мог понять, чем тебе не нравится наша тесная, семейная взаимосвязь. Да, у тебя никогда не было особо много подруг, и гулять ты ходила редко, но это же всё просто фигня. Семья – вот то, что по-настоящему важно, по-настоящему крепко. И зачем платить тогда какой-то тётке? Ты ведь могла бы откладывать эти деньги и...

– Не переживай, комиксы я всё равно и дальше буду тебе покупать.

– Я ведь и обидеться могу.

– Не обидишься, знаешь же, что шучу. Просто давай не будем об этом, ладно?

– Сначала ты внедряешься в секту и пропадаешь на три недели, а теперь это. Класс, просто супер.

– Мы будем и дальше много общаться, к тому же онлайн-игры никто не отменял. Ну и телефон со скайпом, конечно же. Ты же мой братишка!

Мия вручила брату горячую тарелку и, хлопнув его по плечу, снова вернулась к весёлому настроению.

– Пошли, я тебе бургер купила.

– Но папа ведь против того, чтобы я ел ночью, – с не очень-то большим сопротивлением возразил Игнат, пытаясь понять, не разыгрывают ли его.

– Я помню, но нужно же отметить мой переезд. Пойдем, вместе поедим и, может быть, даже немного поиграем, – сказала Мия и пошла в комнату. – Не забудь помыть посуду.

В раковине уже были кружка с вилкой внутри и тарелка. Игнат встал из-за стола и, резко опустив голову, громко выдохнул: «И этот человек собрался жить один».

– Один готовит, другой моет. Золотое правило, – тихо прошептала Мия, всё равно немного напугав брата.

– Да, вот только, тут всё уже присохло к тарелке, – недовольно ответил Игнат и открыл кран.

– И чем больше ты болтаешь, тем хуже становится твоё положение. Обниматься меньше надо было со своим Автобусом, – злодейским смехом посмеялась Мия, и её голова, выглядывавшая из-за угла, исчезла так же незаметно, как и появилась. – Я пока включу компьютер, доедай и приходи.

2. Честный лжец

Четверг 7:30

Темно. И так хорошо, спокойно...

– Мия, уже половина восьмого. Вставай, а то опоздаешь.

Вспышка света: мама открыла шторы.

Мия недовольно перевернулась на другой бок и, не открывая глаза, негромко протянула: «А по... му ты раньш... не разбудила (она прерывалась на небольшие зевки), я же теперь и вправду опозда... ю».

Девушка вовремя вспомнила, что под подушкой лежала обёртка из-под шоколадки, и постаралась замереть, чтобы треск фольги не выдал вчерашнее веселье.

Торопящаяся на работу мама хлопнула дверцей шкафа и уже громче повторила на ходу: «Я тебя уже несколько раз будила. Давай, вставай!»

Для начала Мия решила немного потянуться, чтобы чуть дальше отогнать от себя сонливость, и подумала: «Как же это ты меня каждый раз так будешь, что я не просыпаюсь. Да ещё и не помню обо всех твоих неудачных попытках».

Устрашающий храп с нижнего яруса кровати резко оборвал нить по-утреннему лёгких рассуждений девушки. Но это даже немного приободрило её: брат вообще всё ещё спит.

«Обычно ты не хранишь. Видимо, вчера слишком долго простоял на улице со своей Ритой и теперь простыл. А вы говорите, романтика!» – Мия легла на живот и попыталась подняться, считая до десяти, словно она была на ринге.

Дверь в комнату снова резко открылась, и на Игната, который лежал с приоткрытым ртом, как хомячок, упал яркий свет из коридора.

– У вас мусор есть? Если да, то давайте сюда, – папа заглянул внутрь, держась за дверную ручку. Он уже надел шапку, что говорило о готовности уйти прямо сейчас.

– Нет, ничего, – Мия быстро спустилась по пятиступенчатой лестнице, чтобы успеть обнять папу. – У нас всё чисто.

Хотя по лицу девушки ничего нельзя было сказать, на самом деле она подмигнула своему отражению в зеркале и прямо сейчас, пока папа быстро обстукивал карманы, чтобы удостовериться, что проездной, паспорт и кошелек на месте, мысленно стала перебирать все те места, где были спрятаны: во-первых, две обёртки от гамбургеров, во-вторых, две обёртки из-под шоколадок, в-третьих – всё то, что было спрятано ещё до вчерашних посиделок.

Дождавшись окончания предвыходного ритуала самообстукивания, Мия приподняла правую руку, чтобы обняться.

– Не так, давай левую, чтобы сердце к сердцу. Вот, молодчинка. Хорошего дня, аккуратнее на улице, – папа поцеловал дочку в лоб и, аккуратно открыв когда-то самостоятельно установленную дверь, ушел.

Пока Мия шла по коридору в ванную комнату, сзади раздалось несколько щелчков закрывающегося замка.

– Мия, я побежала, завтрак на столе.

Мия почистила зубы и теперь принялась расчёсывать волосы, смотря в зеркало на себя, уставшую уже в самом начале дня. Не прерывая попытки сладить с утренним гнездом на голове, она улыбнулась на прощание отражению матери и тут же добавила: «Я уже вряд ли успею, но кофе выпью».

– Ну смотри, как знаешь. Пока, – сказала мама и помахала рукой.

– Хорошего дня, мам, – немного нараспев проговорила Мия, стараясь пригладить бунтарский волосок, который всё никак не хотел стать частью стильной, но не вычурной причёски.

Услышав, что Игнат встал с кровати и, попрощавшись с мамой, закрыл за ней дверь, Мия вздохнула: «Да кого я обманываю». Она открыла кран и подставила две ладони, положенные одна на другую, под тёплую воду среднего напора. Самодельный ковшик тут же наполнился, и Мия вылила воду себе на голову.

– Секреты современной укладки? – иронично спросил Игнат и стал выдавливать пасту на щётку. – Повезло же парням, что они не видят, как вы готовитесь выйти в свет.

– Для начала, это удобно. А вообще, ты бы не особо-то

возникал. Или мама в курсе о прогуле? – Мия сняла браслет, похожий на провод старых домашних телефонов, с руки и решила просто собрать волосы в импровизированный хвостик.

– Ты это о чём? – спросил брат, который и так знал ответ на свой же вопрос.

– Когда ты идёшь в школу, то железно просыпаешься в шесть часов сорок пять минут по нашему времени, – Мия указала пальцем на невидимые часы на левой руке, – а сейчас так спокоен – сразу видно, что никуда не спешишь.

– А может мне ко второму сегодня? – ну а что, вдруг срывается.

– Я видела твоё расписание (*нет, не видела*), так что шах и мат, – ответила Мия и положила руку на плечо брата, довольно рассматривая в зеркале результат своих стараний. – Главное, чтоб это не было связано с Викой.

– Я понимаю, что ты специально называешь не её имя. Нет, я просто хочу позаниматься дома. От этого гораздо больше пользы, чем от глупых разговоров на последней парте о том, как же всё достало и как бы поскорее свалить. И вообще, я могу сказать, что это из-за тебя поздно лёг и не выспался, – Игнат размахивал зубной щёткой, словно был дирижёром без оркестра.

– Но тогда ко дну пойдут оба, только я буду выглядеть любящей сестрой, а ты – стукачом-братом, – Мия с победным оскалом взъерошила волосы брата и вышла.

Игнат стал наконец чистить зубы и недовольно промычал ей вслед что-то вроде: «Эй, а если я тебе так?»

Мия быстро выпила остывший в самый раз кофе и, вытерев молочные усы, поставила кружку в раковину: ей предстояло собрать все улики вчерашней вечеринки в один пакет, чтобы сразу же от них избавиться по пути на станцию, так что посуда оставалась на Игната.

Когда брат расставил руки, выражая недовольство, Мия только бросила, быстро обходя его в дверном проёме: «Ты всё равно сегодня дома».

Ещё учась в университете, Мия отметила для себя одну особенность в расписании поездов: иногда всего каких-то пять минут могли решить, сможешь ли ты сесть у окна или будешь ехать в забитом вагоне без возможности ухватиться хоть за один поручень, лишь бы не упасть. Хотя, конечно, во втором случае ты и не упадёшь – все слишком близко друг к другу как пространственно, так и по настроению «утренней мрачности».

Редко можно встретить кого-то, кто едет на работу с улыбкой на лице. Такие люди не заряжают бодростью и позитивом, а только раздражают: «Чему ты лыбишься? Небось, выспался да, засранец? Мы ж на работу едем, а не в парк аттракционов!»

В общем, Мия уже сидела у окна и улыбалась незнакомым

людям, которые стояли на платформе: они не успели сесть в вагон и были вынуждены ждать следующий поезд. Девушка слушала музыку и отсчитывала станции, чтобы встать поближе к дверям за одну до нужной ей «Большой стадионной».

Мия всегда носила с собой книгу, чтобы «почитать, пока едет», и никогда её не читала: иногда, потому что было неудобно, а, порой, и просто потому что не хотелось, как сейчас, например. В этот момент её сердце требовало плавной и негромкой музыки, чтобы можно было спокойно смотреть в окно на уже детально изученные пейзажи. У Мии даже был специальный плей-лист, который она почему-то назвала «Мысль». Наверное, именно такие песни позволяли ей сосредоточиться на своих мыслях и спланировать предстоящую работу. Да, о работе девушка думала постоянно, иногда просто прокручивая план на день раз за разом, когда не оставалось задач, для которых нужно было придумать решение.

Выйдя из поезда, Мия быстро спустилась по высоким ступеням эскалатора и вышла из холла с прозрачными стенами на оживлённую улицу.

Как и всегда, улица разделилась на два потока людей: кто-то шёл со станции МЦК к метро, а другие – наоборот.

Немного вдалеке Мия увидела знакомый капюшон. Это точно должна была быть Олеся, с которой они вместе работали.

Мия ускорилаь и резко набросилаь на подругу.

– Привет!

– Ты чего? Привет. Я тут уж чуть...

Подружки вместе захохотали.

Отдышавшись, девушки снова стали серьёзными: всё-таки им предстоял трудный рабочий день.

– Неужели ты сегодня не опоздала?

– Я никогда не... А, понятно. Юмор такой, да? Шутки шутить...

– Вот скажи мне, зачем ты встаёшь так рано, если в итоге на работу мы всё равно приходим одновременно.

– Ну, во-первых, мне ехать дольше. А во-вторых, вот что ты успела сделать?

– За это утро?

– Ну да. Дай угадаю, твой завтрак – кружка кофе...

– А разве нужно что-то еще для счастья?

– И ты опять забыла надеть часы...

– А ведь под курткой невидно, это-то ты как узнала?

– Я же потренировалась, немного почитала и спокойно позавтракала.

– А я уже спокойно позавтракала.

– Ты совсем плохо передразниваешь, больше не берись за это.

– Нельзя плохо передразнивать. В этом и суть. И вообще, у кого здесь своя квартира?

– ...

– Правильно, вот и всё.

– Ладно, – Олеся достала пропуск из кармана и показала в раскрытом виде охраннику, который и так уже успел запомнить её за прошлый год, но всё равно не пропустил бы без этой бумажки, – ты рассказывай что и как.

– Ну а что, – Мия тоже показала помятую карточку, которая видала лучшие времена, по крайней мере, в день выдачи, всего два месяца назад, – саму квартиру я ещё не осмотрела. Да и с хозяйкой не договорилась, правда. Но... А я потом скажу.

Двери лифта открылись, и журналисты плотной толпой забились внутрь. В углу висела небольшая чёрная камера с красным мигающим огоньком: журналисты всегда воспринимали фразу «даже у стен есть уши» буквально и старались не трепаться в таких «общих зонах». Даже рабочее место не гарантировало конфиденциальности. Исключение составляли курилка, небольшая кухня и туалет. Мия и Олеся не курили, так что все их личные разговоры проходили на кухне, когда там никого не было.

Двигатель машины под названием «Литера» постепенно разогревался, и газетчики всё глубже погружались в мир новостей.

– Мия, идём, обед, – Олеся подошла к Мие, держа в руке небольшой бумажный пакет.

– Как, уже? – девушка отвела взгляд от монитора и несколько раз быстро поморгала, чтобы глаза не стали слезиться. – Ну идём.

– Полин, Оля, вы как? – спросила Олеся, направляясь к кухне, у практиканток, которые должны были провести вместе с ними четыре недели.

– Да... – Полина посмотрела сначала на пакет, а потом на удаляющуюся Мию, – мы, пожалуй, по-быстрому сходим в кафе.

– Окей, но не опаздывайте. В нашем ремесле и за перекур уволить могут, – Олеся подмигнула девчонкам и прошла следом за своей коллегой.

На работе всегда было много дел, так что обед был священным ритуалом, не позволявшим сойти с ума и утонуть в этом безграничном океане информации. К тому же глазам требовался отдых от монитора.

Прикрыв дверь, Мия села за стол и стала с закрытыми глазами слушать, как Олеся разворачивает свёртки фольги. Аромат горячих бутербродов с колбасой стал быстро распространяться по всей небольшой кухне.

– Ты опять ничего не взяла, да? – спросила Олеся, не поворачиваясь к подруге.

– Да, верно, – Мия вздохнула и откинулась на спинку, сложив руки за головой в замок.

– И это хорошо. Значит, я не зря взяла *несколько* бутербродов, – сказала Олеся и, подойдя к столу, подмигнула подруге, театрально-широко раскрыв при этом рот.

– Спасибо, ты просто лучшая, – Мия была искренне благодарна за заботу: когда каждый день через тебя проходят десятки сообщений о жестоких событиях, они по-особенному оттеняют светлую, мирную жизнь.

– Вчера ты была в полном завале и даже на обед не выходила, так что сегодня я решила вместо гречки взять бутерброды, чтобы в случае чего можно было поделиться с тобой. На десерт у нас вафли со сгущёнкой из автомата, которые значительно сократят нашу жизнь, а на главное блюдо – твой рассказ о новой квартире, – Олеся села слева от Мии и посмотрела на неё, медленно пережёвывая холодные вафли. Так она выражала свою готовность слушать.

– Да рассказывать-то особо и нечего. Я ж говорю, саму квартиру ещё не видела, да и с хозяйкой...

– Ладно, а как вообще вышла на неё?

– Стас посоветовал.

– Наш редактор?

– Ну да. Он сказал, что просто для себя искал, но в итоге ему больше не нужно, вот и поделился информацией со мной.

– А ему почему больше не надо?

– Я не знаю толком. Слушай, у него просто какие-то там тёрки с женой, давай не будем об этом.

– Хорошо, поняла. Но ты уж, если что-то новое по квартире будет, сообщай мне тоже.

– Да, конечно. Теперь моя очередь: о каком материале ты хотела поговорить со мной? Вчера я занята была, сама знаешь...

Перестав жевать, Олеся услышала приближающиеся шаги и приглушённым голосом ответила: «Да фигня, подумывала об одном деле, но думаю, не стоит. Глупо это».

– А подробнее не рас... – Мия резко замолчала: в комнату зашёл насвистывающий шеф-редактор.

Открыв шкафчик, Станислав достал кружку со своей фотографией на лицевой стороне: «Привет, обедаете?»

Олесю очень раздражала эта манера вести разговор по принципу «что вижу, то говорю», и она просто кивнула в ответ, делая вид, что пьет кофе из уже давно опустошённой кружки. Мия же была более приветливой: «Здравствуй-те, вот решили перекусить. Как вам новость про бездомного, у которого украли миллион?» Стас убрал волосы со лба, и волосинка упала в кружку, но он сделал вид, что ничего не произошло, и принялся заливать чайный пакетик кипятком: «Чего только не встретишь. Хотя тот парень до этого снимал квартиру в центре и просто не переехал на новое место, а ты написала об этом только в самом конце».

Олеся невольно поморщилась, когда мужчина залпом вы-

пил половину кружки, потому что видела ту самую волосинку: «Так спокойно пьёшь кипяток... Готовишься к адскому котлу?» Но сам редактор этой реакции не заметил, потому что посмотрел на Мию и спокойно добавил: «Молодец».

– Как-то это неправильно, – сказала Олеся и аккуратно перенесла со стола фольгу с крошками внутри к мусорному ведру.

– Зато это обеспечит нам просмотры, – ответил редактор и осушил кружку до конца.

– Но какой в этом смысл, если сама статья из-за кликбейта никому не понравится? – спросила Мия, которая хотела уберечь подругу от очередных пререканий с начальником.

– Мия, если хочешь новое дело, то придётся поработать, – уже открывая дверь, редактор засмеялся и бросил напоследок. – А вообще, с этими вопросами к статистикам.

«Чего он ржёт каждый раз, псих какой-то», – подумала Олеся, сжала фольгу в кулаке и швырнула её в ведро.

Закрыв дверь кабинета, Стас тут же перестал улыбаться и сел за свой стол.

По правую руку стоял стеклянный шкаф с полками из чёрного дерева. Редактор повернулся на стуле и стал одними губами проговаривать слова предстоящего разговора, смотря на своё отражение.

Спустя несколько попыток подобрать наилучший вариант

речи и пару минут лицевой гимнастики Стас попросил секретаршу никого не впускать и набрал номер своей жены.

– Привет, – раздался весёлый женский голос.

– Привет, родная. Чем занимаешься?

– Да так, с кошкой поиграла, в магазин ходила. Сегодняшнее свидание в силе? – на фоне голоса прозвучало грустное мяуканье. – Тише ты, ало, дорогой?

– Да-да. Конечно, увидимся. Я так рад, что всё наконец стало налаживаться, – Стас оторвал взгляд от своего отражения и посмотрел на фото самого себя, которое висело на стене.

Воспоминания из прошлого, навеянные снимком, вернули редактору улыбку. Как раз то, что надо, чтобы не выдать своих настоящих чувств.

– Так что за дело-то? – всё не отставала Мия, пока девушки шли к своим столам.

– Да не парься, правда, не стоит оно того, – полушёпотом ответила Олеся, уже просто чтобы не мешать другим работать, а не из соображений секретности.

– Ну что, думаешь, с тобой произойдёт, если рискнёшь? Что теряешь-то? – спросила Мия, усаживаясь на свой неудобный стул.

– А я не за себя, а за семью в таких случаях беспокоюсь. Да уже не парься, ладно, и, кстати, сказала бы про свой стул ре-

дактору (Олеся специально не называла Стаса по имени, чтобы подчеркнуть, что они только коллеги по работе и сидеть за одним столом могли разве что на планёрках), раз в таком почёте за свои расследования, что даже квартирку подыскали, – сказала Олеся, чтобы перевести тему, и подёргала бровями вверх-вниз.

– Расследование. Ой, ну тебя! – усмехнулась Мия и махнула рукой.

Переведя взгляд на ноутбук, Мия подумала: «Надеюсь, что с квартирой всё сложится. Мне нужно многое тебе рассказать, подруга. И поскорее бы».

3. С широко закрытыми глазами

Вечером того же дня

Обычно Мия смотрела на часы только для того, чтобы свериться с рабочим графиком. Но сегодня её интересовала конкретная цифра – цифра шесть. Именно в это время официально заканчивался рабочий день и можно было уходить домой. Конечно, если тебе не нужна работа журналиста, ну или у тебя было реально важное (по меркам шеф-редактора) дело.

Воспользовавшись вторым вариантом, Мия закрыла ноутбук и стала быстро собираться.

– Удачи там, – сказала Олеся, не отрываясь от компьютера.

– Да, спасибо, – Мия надела рюкзак и пошла к вешалке, обняв на прощание погружённую в работу подругу и махнув рукой практиканткам. Олеся никак не отреагировала, потому что должна была как можно скорее дописать статью: мужчина сбежал в Лондон сразу после оформления кредита на изменившую жену.

«И что только не случается в нашем мире», – надев куртку, Мия расправила капюшон, подложила большие пальцы под лямки, чтобы было удобнее, и быстро зашагала к выходу.

Одним из плюсов возможной будущей квартиры была близость к работе. Нужно проехать несколько станций на поезде МЦК в обратном от дома родителей направлении и пройти примерно километр. «Очевидно, это связано с запросами самого редактора», – догадалась Мия и решила, что это будет ещё один плюсики в копилку с надписью «преимущества переезда», которую она торжественно вручит родителям уже сегодня за ужином, прямо в разгар финальной битвы за окончательное решение.

Девушка остановилась, чтобы пролистать плей-лист и найти что-нибудь более подходящее под её настроение, а в итоге остановиться на одной из тех пяти песен, которые она постоянно переслушивала.

Осенью темнеет относительно рано. «Оно и логично, ведь всё небо покрылось мрачными тучами», – усмехнулась Мия и подняла глаза: справа от неё была детская площадка с несколькими скамейками. Зелёная краска на них потрескалась, и в старых ранах виднелась прежняя, светло-серая, кожа, которая изначально покрывала когда-то красивую скамью. Но в остальном самая обычная площадка, которая есть в каждом закутке, образованном тремя-четырьмя домами.

Ничего примечательного, разве что...

«Какие-то странные небольшие статуи, таких я раньше нигде не видела. Да и в материалах по обустройству дворов ничего такого не было», – Мия стала перебирать в голове

прочитанные (и написанные ею самой тоже) статьи о дворовой реформе: «Ладно, какого чёрта я делаю, разве для этого торопилась. Нужно двигать дальше, чтобы не опоздать».

Статуи высотой примерно в полтора метра лишь молча проводили незнакомку своими бесчувственными взглядами и неизменными выражениями лиц. Они навеяли на Мию грусть: почему-то захотелось поскорее со всем покончить, поехать домой, поужинать вместе с семьёй, поиграть с братом и лечь спать.

Мия сделала музыку погромче, чтобы заглушить это неприятное чувство.

Так как людей на улице не было, девушка стала рассматривать автомобили, мимо которых проходила. Недавно прошёл слабый дождь, и теперь каждая машина стояла как бы на светлой платформе сухого асфальта. «Такси с пробитыми шинами, класс», – Мия только ещё больше нахмурилась, смотря на побитое лобовое стекло: «Очень атмосферно, как раз то, что мне сейчас нужно. М-да, в разговоре с родителями лучше эти детали опустить».

Негромкий шум заставил девушку перевести взгляд обратно на дорогу: впереди какая-то женщина размахивала руками и что-то кричала. Что именно, Мия не могла разобрать из-за оглушительного соло барабанщика. Но, несмотря на это, девушка поняла, что обращались именно к ней – на улице больше вообще никого не было.

Дальше Мия пошла уже сняв наушники. Ей не нравилось

то, что она не могла дослушать песню до конца, чтобы окончательно настроиться на предстоящий разговор. Такое всегда выбивало её из колеи. Но продолжать слушать музыку было бы уже просто невежливо.

– Привет, я – Таня, – женщина лет тридцати пяти протянула Мие руку, когда она наконец дошла до неё.

– Здравсьте, – Мия улыбнулась, и они обменялись крепкими рукопожатиями.

– Станислав рассказывал о вас много хорошего (*да уж Стас-то это умеет*), так что вопрос только в том, устроит ли вас квартира, – Таня сразу указала на нужный подъезд и слегка подтолкнула Мию в спину ладонью.

– Тогда можете считать, что мы договорились, потому что я согласна на всё, где нет тараканов, – сказала Мия и хотела шагнуть вперёд, но женщина аккуратно придержала её.

– Тогда мы не договоримся... Да шучу я.

Обе облегчённо выдохнули, поняв, что формальности тут ни к чему, и с улыбкой на лице поднялись на ступеньку, спрятавшись под металлическим козырьком от вновь начинающегося дождя.

Пока хозяйка вводила код, Мия прислушивалась к каплям воды, сунув большой палец в карман джинсов и постукивая остальными по ноге в такт с ними.

За протяжным «Пиий» и скрежетом открывающейся двери Мия не смогла услышать, как машина, на которой приехала Таня, со скрипом качнулась из стороны в сторону. Из неё

доносились недовольное рычание, словно голодный пёс напоминал о себе хозяину, уже в который раз забывшему взять его с собой.

В одном из окон первого этажа дёрнулась шторка: старуха отпустила её и грустно вздохнула. Аккуратно прикоснувшись к шраму на щеке, она покачала головой, как бы удерживая себя от чего-то, и пошла на кухню, где был включён маленький телевизор. Он был прикручен к специальной треугольной подставке, которая крепилась непосредственно к стене в углу.

Старуха подошла к телевизору и, протянув руку, несколько раз нажала на кнопку громкости с уже почти стёртым значком «плюс»: «Два дня назад мы сообщали о пропавшем водителе такси Вадиме. На данный момент он всё ещё не обнаружен, будем держать вас в курсе событий, оставайтесь с нами».

Старуха подняла верхнюю губу, обнажив пожелтевшие зубы с чёрными точками, и стала медленно качать бёдрами, пританцовывая в один ритм с джинглом из рекламы зубной пасты.

Затем она взяла ведёрко с майонезом и зачерпнула в него большую маслянистую ложку. Заметив муху, уже пару дней как утонувшую в этой вонючей густой массе, старуха только пожалала плечами и плюхнула майонез в пластмассовую тарелку. На ней уже лежала лапша, покрытая зелёными комками плесени.

– Blue Rare, – с ужасным акцентом проговорил хриплый голос, плавно переходящий в безудержный смех с громким кашлем. – Пора, кх-кх, кормить, кх-кх, внучка.

– Нам с вами на четвёртый, так что предлагаю пойти по лестнице, – Таня уверенно пошла направо, и Мия не стала ничего отвечать, потому что поняла: предложение было чисто риторическим. Вместо этого она взглянула на панель с номерами этажей, которая была чуть выше тёмно-жёлтых дверей самого лифта.

Мия на мгновение замерла, чтобы понять, работает ли он вообще. И нет, она совсем не собиралась пользоваться лифтом, чтобы добраться до четвёртого-то этажа. Это было делом доверия: «Если человек обманул тебя в одной мелочи, значит, однажды обманет и по-крупному». А уж в случае с покупкой чего-либо это ощущается особенно остро.

Цифры стали загораться одна за другой, и Мия облегчённо выдохнула одними губами.

– Знаете, вот интересно: я только недавно поняла, что не знаю, кто мои соседи. Ну, то есть многие уже попросту съехали, и те, кого я могла видеть в детстве, уже давно не живут со мной в одном доме, а я даже и не в курсе. А вы знаете, кто ваши соседи? И кто вообще тут живет? – девушка подумала, что уже давно не брала интервью, и решила заполнить вакуум неловкого молчания своими вопросами.

– Ну я, сказать по правде... – Таня задумалась, но продолжила подниматься.

«Обычно, когда так говорят, дальше следует ложь, но, возможно, я читаю слишком много книг по психологии», – Мия слегка качнула головой и снова сосредоточилась на ответах.

– Как хозяйка, просто обязана знать такие вещи, чтобы отвечать на подобные вопросы. Но здесь жила прежде не я, а моя мама, так что рассказать могу лишь про парочку. Напротив тебя будет жить полицейский. Возьми на заметку, когда будешь думать о том, а не станут ли шуметь соседи по ночам. Ну, и на первом бабулька какая-то, я её встречала пару раз, когда помогала маме с переездом... – Таня сделала паузу, чтобы восстановить дыхание.

«Я уж подумала, что въезжаю в квартиру мертвеца. Что ж, пронесло», – Мия перешагнула очередную ступеньку.

– Не самая приятная женщина, но вам-то что: она на первом, а ты на четвёртом, – Таня обернулась с улыбкой на лице.

«Всем своим поведением и видом ты пытаешься убедить меня, что всё в порядке. Это обычный ритуал или всё же попытка что-то впарить. А, может, и то, и то одновременно?..» – Мия была рада, что сейчас Таня стояла к ней спиной, потому что понимала, что на её лице так и написано предложение из сомнения, недоверия и озадаченности.

– В двери два замка: всё надёжно, – уже обычным, без интонаций радости, голосом проговорила хозяйка, пытаюсь отыскать ключи в своей красной кожаной сумочке.

Мия огляделась по сторонам и, удовлетворительно покачав головой, доложила: «Краска на стенах свежая. А здесь лучше, чем снаружи».

– Да, покрасили недели три или четыре назад, точно не помню. И, слушай, район у нас, конечно, не особо привлекательный, но уже скоро его начнут обустраивать: построят пару-тройку новых магазинов, на пустыре будет парк, площадку детскую подкрасят. Так что ещё месяц, и мы бы говорили уже о совсем других суммах. Прошу, – хозяйка, наконец, распахнула дверь и пригласила жестом руки зайти внутрь.

Когда Мия шагнула вперёд, из-за её плеча Тане открылся обзор на противоположную дверь. На абсолютно чёрной двери, в верхней её части, горел маленький, обычно не привлекающий внимания огонёк: это означало, что крышечка дверного глазка была приподнята.

Нельзя сказать наверняка, наблюдал ли за ними кто-то всё это время или нет. Но Таня, быстро прошедшая следом и резко повернувшая ручку замка, несколько в этом не сомневалась.

– Да, мам, я уже еду. Всё супер: две комнаты и кухня. А, и балкон ещё, представляешь? Так что всё вообще отлично... А что деньги? Я же откладывала зарплату какое-то время, так что первый месяц оплачен (*Стасом, но оплачен*

ведь), – Мия улыбалась, потому что знала, так голос звучит веселей и убедительней. – Ну, вот такая загадочная. Или думала, я всё на шмотки спустила, а вот нет, как видишь. Ладно, мамуль, дома поговорим, давай. Да. Всё... Давай, да.

Таня с покрасневшими от слёз глазами ждала, пока девушка, говорящая по телефону, исчезнет из зеркала заднего вида. Девушка, которую она только что обрекла на неприятности, возможно, последние в её жизни.

Когда Мия окончательно скрылась в темноте ночи, Таня нажала на панели своего автомобиля на кнопку «Вызов» и стала терпеливо считать гудки, которые словно кололи её прямо в сердце своим холодным равнодушием к происходящему.

На небольшом экране пошел отсчёт времени: звонок принят, разговор начался.

– Я всё... В.. Всё сделала, завтра же она приедет сюда. Теперь я могу уехать с моей мамой? ... Спаси... Спасибо, – Таня нажала на красную телефонную трубку и заревела, потому что не могла больше сдерживать слёзы. Она никогда не была сентиментальной, но в данной ситуации практически собственноручно отправляла человека на казнь. При чём долгую и мучительную.

Чтобы хоть как-то успокоиться, девушка достала из бардачка пачку сигарет. Бордовая линия сбоку и предупреждение о всевозможных проблемах, которые неминуемо наступят открывшего, на лицевой стороне. Прогнившие зу-

бы на фотографии были зловещей ухмылкой самого дьявола, который заставил выбирать между молодой, только-только начинавшей жить девушкой, незнакомкой, и женщиной, подарившей жизнь, которую она так бессмысленно потратила.

– Прости, мам, я знаю, ты не любишь, когда я курю, – дым стал медленно плыть по салону автомобиля. – Но теперь всё кончено, мы сейчас же поедem домой, заберём вещи и уедem навсегда, не переживай.

Из-под старого, тёмно-зелёного, клетчатого пледа в ответ раздалось лишь громкое недовольное дыхание, перебивавшееся кашлем и странным, нечеловеческим, тихим рычанием. Машина слегка качнулась в сторону, и плед сдвинулся, открыв седую голову, морщинистый лоб и безумно пустые, холодные глаза старухи, которая уже не могла говорить членораздельно. Таня вернула плед на прежнее место и заботливо погладила мать: «Может, сейчас это уже неважно, но я совсем этого не хотела».

После трёх долгих затяжек девушка наконец выбросила сигарету в приоткрытое окно и, вдохнув свежий ночной воздух, нажала на педаль.

Со всех сторон ослепительно мерцали вывески магазинов, мелькали окна жилых домов...

«Самое поразительное это то, что для всех вокруг ничего не изменилось. Жизнь продолжается... Все так спокой-

но прогуливаются. У каждого свои проблемы, свои радости. Равнодушие – вот главное зло нашего мира. Помню, как одноклассник швырнул меня в сугроб и я порезала лицо ледышками. Я тогда так кричала... И плакала, а мимо проходили мамы с колясками и недоумевающе смотрели на меня. Как будто им было непонятно, что мне ужасно больно. Интересно, что бы они сказали, случись это с их детьми... Ладно, я ведь не желаю им зла, просто всё это... Интересно. Сейчас ты можешь хоть в дурацком костюме пробежать по улице, и об этом все узнают только из новостей, даже если ты пробежишь прямо перед их носом. Такой, как я, не следовало пачкать руки, потому что неприятное ощущение грязи останется со мной навсегда, как бы я не пыталась отмыться... Да и ради чего, в конечном-то счёте? Денег? Какой от них смысл, если твоя мать потеряла память и ты не можешь разделить с ней свою радость. Ради чего, ради кого?..» – думала Таня, ожидая, пока загорится зелёный свет.

Какой-то парень подбежал к переходу, но, как только поравнялся со светофором, стал идти очень медленно, словно наслаждаясь каждым шагом. «Чёрт, пешеходы, да что с вами такое. Вечно вы так делаете...» – Таня осуждающе фыркнула и отвернулась, в задумчивости прикрыв рот ладонью.

Плавнов остановив машину, Таня повернулась вполоборота и сказала, обращаясь скорее к пледу, чем к той, которая

сидела под ним: «А ведь я никогда даже не приглашала тебя к себе домой. И вот мы здесь, но ты всё равно не увидишь, как я жила всё это время. А хотя какой смысл, ты всё равно меня уже не слышишь».

Девушка нахмурилась, чтобы придать себе уверенности. Кровь на руках, которую никто, кроме неё, не мог видеть, не давала ей покоя.

Вылезая из машины, Таня пыталась просчитать, не могла ли она разобраться со всем иначе, не подставляя под смертельный удар другого человека: «Меня бы всё равно нашли...»

Уже подходя к подъезду, девушка осознала, что каждый новый вариант спасения грубо перечёркивался словом «мама».

Кажется, с Таней поздоровался кто-то из соседей, но она не обратила на это никакого внимания и в таком беспмятстве приехала на свой этаж. Двери лифта открылись.

Привычный звук замка, всё та же прихожая...

Широко раскрывшиеся глаза, рефлекторно поднявшиеся вверх руки, и тихое «пиф» выстрела из пистолета с прикрученным к нему глушителем. Тело упало на пол словно марионетка с перерезанными верёвочками, за которые всю её жизнь дёргала Судьба.

– Она вне игры. Забираем старуху из машины и уходим, – первый, приглушённый тонкой тканью чёрной балаклавы голос.

– А с ней что? – второй голос.

– Думаю, и от неё будет польза. Посмотрим, какие изменения произошли с ней, когда она... – первый голос прервался шипением рации.

– Мы погрузили номер пять, вы готовы?

– Идиот, а если бы мы ещё не закончили. Мы должны были первыми выйти на связь. Да, сделано, чёрт тебя дери. Выходим, – ответил первый голос и добавил, уже отпустив кнопку. – Значит, старуху уже погрузили, отлично. Но, чёрт подери, вот же придурок: мог нам всё сорвать.

– Да что бы она против нас двоих... (Убрал пистолет и приподнял ноги, чтобы удобнее было нести.) Сделала?

– Ты и сам видел, как досталось номеру семь. У неё в кармане, вот смотри, нож. Даже кровь не вытерла с него, ну что за человек. Дилетанты... – первый мужчина взял труп спереди.

– Да уж, знатно она номеру семь рассекла лицо, это было круто. После такого ей действительно только по лестницам ходить.

Оба засмеялись, выдохнули и на счёт «три» подняли тело.

– А тяжела кобыла-то эта. Неудивительно, что седьмой так схлопотал. И вправду опасно было вставать между Татьяной и её матерью.

– Именно, что *было*. А теперь тащи, давай! – рявкнул недовольный напарник.

4. Первое явление резонанса

Пятница 8:25

Несколько очередных безликих призраков проплыли слева от Мии, которая медленно шагала, глядя себе под ноги. У неё в голове был какой-то шум и лишь изредка мелькала отчётливая мысль о том, как же странно устроен человек: очень сильно хочется спать, но ноги сами несут сонное тело на работу.

Ещё призрак. Вроде бы даже с маленькой собачкой. Всё, что не прямо перед глазами Мии, расплывается так, словно она ещё лежит в мягкой постели под тёплым одеялом, а всё остальное – это просто сон...

– Привет! – кто-то резко толкнул Мию в спину.

– Олеся, блин! – девушка чуть не упала от неожиданности, но отметила для себя, что приветствие неплохо её взбодрило.

– Ты чего такая вялая? Не выспалась? И что с прической? У тебя на башке просто жопа попугая! – Олеся все сыпала и сыпала вопросами, пытаясь скрыть своё ощущение неловкости: она не ожидала, что подруга будет не в настроении для подобных шуток.

Вообще, такие сюрпризы были свойственны для взрывной Мии, а не размеренной Олеси. И вот, в первый раз решила

она побыть на одной волне со своей подругой, как эта волна тут же её утопила: вместо глупой радости остались только смущение и желание как-то всё исправить.

– Да ничего такого, просто плохо спалось, – Мия поняла, что Олеся всё ещё не по себе, и попыталась изобразить улыбку, чтобы не портить другому человеку настроение в этот пасмурно-светлый день. – Мне приснился кошмар, проснулась вся в слезах, так что...

Раздалось громкое «хлюп» – Олеся наступила в лужу, которую не заметила, потому что полностью сосредоточилась на тихих словах сонливой подруги. Казалось, что она и сейчас может заплакать.

По минутному молчанию Мия поняла, что от неё ждут разъяснения самого сна: «Короче, лежу я такая вчера. Никак не засну. Но глаза закрыла, легла на бок и всё не сдаюсь. Думаю: „Вот-вот усну“. Через пару минут мне захотелось почему-то открыть глаза, и, представляешь, прямо передо мной лицо какого-то мужика. Он так внимательно всматривался в мои глаза и чему-то улыбался... Я не закричала там, ничего, думаю, раз сон, значит, всё по моим правилам – ну и как вмазала ему. Чувствую боль в руке. А дальше темнота, стоп, снято, и я уснула. Утром проснулась – на щеках слёзы, рука побаливает... Ощущение, что всё взаправду было...»

Во время своего рассказа Мия шла с опущенной головой, и теперь Олеся решила легонько стукнуть её в плечо.

– Слушай, а к тебе во сне лучше не приходиться. Вообще,

такое иногда бывает. На новом месте всегда плохо спится. Я, когда ездила с родителями в отпуск этим летом, тоже не могла уснуть первые несколько ночей в отеле. Рука у тебя болела, потому что ты вполне могла удариться о стену, когда встала во сне. Не переживай.

– Да и не переживаю я. Просто это неприятно, и как-то день, считай, сразу не задался, – Мия уже окончательно проснулась и могла различать выражения лиц у проходящих мимо людей.

Но они с Олесей смотрели только вперёд, желая избежать столкновения с одним из утренних зомби, из-за чего не могли заметить, что за ними следят. Девушка с тёмными, каштановыми волосами по плечи, в чёрных джинсах и серой ветровке.

Дана держалась на расстоянии, которое подходило для слежки за опасующимся человеком, постоянно оглядывающимся, вечно крутящим головой. Что уж и говорить о двух беззаботных подругах – они вообще шли расслабленно, ничего не замечая. Дана присоединилась к ним на станции МЦК и уже не выпускала из виду.

Концентрацию всегда нужно держать на коротком поводке. Девушки же выпустили её погулять в отдалённый уголок разума с вечно спящим опасением за свою жизнь и вниманием к родительским советам, которое на самом деле было просто ширмой, а вернут только тогда, когда сядут за свои рабочие столы.

На самом деле, мы с вами многого не замечаем. Если за нами кто-то будет идти, мы так и не узнаем об этом, подпевая в такт песне, играющей в наушниках, или переживая, погружённые в разные мысли, которые бесконечным потоком проходят в нашем сознании.

И Дана прекрасно это понимала, по себе знала: она и сама раньше никогда бы не стала задумываться о чём-то подобном. «Но, как говорится, ты не хочешь – жизнь заставит», – девушка поправила волосы, зачесав их в сторону, и включила фронтальную камеру, чтобы сделать селфи на фоне идущих впереди подруг-журналисток.

– Ладно-ладно, в порядке я, – улыбнулась наконец Мия и взглянула на Олесю. – Что, с прической совсем беда?

– Я ж говорю, прямо жопа попугая. Но сейчас подправим, – Олеся не скрывала своей радости, ведь она только что справилась со своей задачей: растормошила Мию, отогнав мрак неприятных мыслей своими огненными шутками. (Мия так и отвечала каждый раз, когда начинала смеяться: «Круто, вот эта прям вообще огонь!»)

– Ну что, классно посидим сегодня!

– Надеюсь, не надо напоминать, что я не пью.

– Ты и не пей. Будешь просто есть. Я куплю пакет сока, не парься. А то у меня дома есть только кофе и вино.

– Да уж, родители вряд ли оценят, они уже к тебе приходили?

– Ещё нет, я запретила. Пока не обустроюсь и не приведу

квартиру в надлежащий вид, никого туда приглашать не буду.

– Значит, у нас сегодня из развлечений будет уборка?

– Нет, подруга, не волнуйся. Единственное, давай ты всё-таки лучше сама сок купишь, я боюсь не успеть. Мне ещё ногти сделать надо. А то будешь ты сидеть с кружкой прозрачайшей воды. А так с тебя напитки для тебя, с меня горячее для тебя и меня.

– Если готовить будешь ты, то лучше уж я и еду заодно прихвачу.

– Во-первых, ты сделала мне чертовски больно сейчас. А во-вторых, я пока ещё не хочу умирать, так что за готовку будут ответственны повара, готовящие по якобы древним, итальянским, на деле никогда не существовавшим из-за не столь высокого уровня знаний у химиков рецептам из продуктов среднечайшего качества. С применением вкуснейших специй, без которых никто и кусочка бы не осилил сего сырого теста.

– Пиццу закажем?

– Да.

– Ладно, такой ответ меня устроит.

– Вот только не надо сейчас нашего препода цитировать.

– Не убедила.

– Я серьёзно, завязывай.

– А то что, Блайкова?

– А вот что.

Дана с теплым безразличием наблюдала за шутилкой борьбой подруг, смотря на них через экран немного поднятого навверх телефона: нельзя просто так ходить за другим человеком, нужна иллюзия, что каждый живет своей жизнью.

Посмотрев на подаренные два года назад часы с чёрным ремешком, девушка выдохнула и быстро пошла в обратную сторону, к станции МЦК.

Часы служили напоминанием о временах мирной жизни, когда Дана могла со своими подругами так же шутить, смеяться и разговаривать ни о чем. И хотя это уже в прошлом, часы были ещё и символом того, что однажды их хозяйка обретёт покой в будущем, найдя себе место в этом новом для неё мире.

– Ладно, хорош, а то вспотеем. А это второе правило, сразу за «не пей газировку перед интервью», – Олеся показала руками, уперев ладони перпендикулярно друг другу, знак «тайм-аута».

– Да уж, а я всегда говорила, что в редакции не хватает душа, – усмехнулась Мия, и они обе засмеялись. Не из-за того, что это было смешно, а из-за прилива адреналина после дружеской перепалки.

– В такие моменты понимаешь, что правильно выбрал направление, – всё ещё пытаясь восстановить нормальное дыхание, проговорила Олеся.

– В смысле? – спросила Мия и попыталась причесать волосы.

– На телевиденье нас бы давно уволили, а тут ходи как хочешь, – объяснила Олеся, стараясь вдыхать воздух через нос, чтобы потом не простыть. – Я-то уж знаю, о чём говорю. А ты слушай старших.

– Старших или старых? – с выражением заинтересованности школьника-отличника риторически спросила Мия.

– Ну иди сюда, сама напросилась, – засмеялась Олеся, не затевая при этом новую схватку.

– Всё, всё, – примирительно сказала Мия, иронически добавив. – А то ещё спину потянешь, или сердечко прихватит.

– Да у нас разница в год, что ты вообще несёшь?! – улыбаясь, взглянула на подругу Олеся.

– Вот именно, целый год! – ответила Мия и медленно закивала словно учёный, который только что объяснил прописную истину.

Олеся уже ничего не стала отвечать: она радовалась тому, что Мия и думать забыла о своём плохом сне. Сама живя с родителями всё это время, она уважала стремление напарницы к взрослой самостоятельности: «А всё-таки молодец ты, Мия. Я бы так не смогла. Хотя нет, вру. Смогла бы, но, если б я жила одна, то спалила бы свою квартиру в первый же день. Но вообще-то это может случиться и в твоём случае. Ладно, прорвёшься, я уверена».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.